

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII

ВЕКА

Хрестоматия

Том 1

Составители

Б. И. Пуришев, Б. И. Колесников, Я. Н. Засурский

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б. И. ПУРИШЕВА

Издание второе,
исправленное и дополненное

Допущено

Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности
«Русский язык и литература»

(В)

Москва
«Высшая школа»
1988

Джонатан СВИФТ

(Jonathan Swift)

(1667–1745)

Великий английский писатель, гениальный сатирик. Родился в семье бедного колониального чиновника в Дублине (Ирландия). Рано остался без отца, воспитывался на средства своего дяди — зажиточного дублинского адвоката. Окончил колледж святой Троицы (Тринити-колледж), где готовили будущих богословов. Однако, вопреки воле дяди, Свифт не пожелал принять сан священника и поступил секретарем к отставному вельможе У. Темплю (который пописывал, случалось, политические памфлеты). Богатая библиотека в поместье Темпля (Мур-парк в 6 милях от Лондона) помогала Свифту усиленно пополнять свои знания, и в 1692 г. он сдал экзамен в Оксфордском университете на степень магистра искусств. После смерти Темпля (в 1699 г.) Свифт был вынужден вернуться в Ирландию, принять сан священника и небольшой приход. Однако

Сказка бочки

литературные интересы неудержимо влекут его в Лондон, он становится близким другом А. Попа, поддерживает советом и творческой помощью Стиля, Адиссона, драматурга Д. Гея и многих других; одновременно он выступает как журналист и политический памфлетист; принимает участие в политической деятельности партии вигов, а затем (в 1710 г.) переходит на сторону ториев. Слава его в это время столь велика, что его назначают редактором официозного органа, он заставляет трепетать своих политических противников. В 1713 г. в связи с падением кабинета ториев Свифт был отправлен в почетную ссылку в Ирландию, где его назначили деканом (т. е. настоятелем) главного дублинского собора св. Патрика. Борьба ирландского народа за свои национальные и социальные права вдохновила Свифта на создание его лучших сатирических произведений. Последние несколько лет жизни Свифт провел в агонии — его поразила тяжелая душевная болезнь.

Свои первые зрелые произведения Свифт создал еще в молодости (в доме Темпля). Это описание литературных нравов того времени — памфлет «Битва книг» и резкая сатира на католическую, лютеранскую и кальвинистскую церкви — «Сказка бочки» (1704). В лондонский период Свифт пишет большое количество статей и памфлетов на злобу дня, освещает проблемы борьбы партии вигов и ториев. Ирландские памфлеты Свифта имеют по существу антиправительственную и антиколониальную направленность. Самыми значительными из них являются «Письма суконщика ко всему ирландскому народу» (1724) и «Скромное предложение» (1729). В Ирландии же Свифт написал свое самое значительное произведение «Путешествие Гулливера» (1726).

Сказка бочки

(«A Tale of a Tub, written for the Universal Improvement of Mankind», 1704)

Раздел 2

Жил когда-то человек, у которого было трое сыновей* от одной жены, родившихся одновременно, так что даже пови-

* Под этими тремя сыновьями: Петром, Мартином и Джеком — подразумевается папство, англиканская церковь и наши протестантские диссиденты. В. Воттон¹.

вальная бабка не могла сказать наверное, кто из них старший. Отец умер, когда они были еще очень молоды; на смертном ложе, подозвав к себе юношей, он сказал так:

Сыновья! Так как не стяжал я никакого имения и ничего не получил по наследству, то долго раздумывал, что бы хорошее завещать вам. Наконец, с большими хлопотами и затратами удалось мне справить каждому из вас по новому кафтану (вот они). Знайте же, что у кафтанов этих есть два замечательных свойства. Первое: если вы будете носить их бережно, они сохранятся свежими и исправными в течение всей вашей жизни. Второе: они сами собой будут удлиняться и расширяться соответственно вашему росту, так что всегда будут вам впору. Позвольте же мне перед смертью взглянуть, как они сидят на вас. Так, отлично! Прошу вас, дети, носите их опрятно и почаще чистите. Вы найдете в моем завещании** (вот оно) подробнейшие наставления, как носить кафтаны и держать их в порядке; соблюдайте же эти наставления в точности, если хотите избежать наказаний, положенных мной за малейшее их нарушение или несоблюдение; все ваше будущее благополучие зависит от этого. В своем завещании я распорядился также, чтобы вы по-братски и по-дружески жили вместе в одном доме; если вы меня ослушаитесь, не будет вам счастья на свете.*

Тут, гласит предание, добрый отец умер, и три сына пошли сообща искать себе счастья.

Не буду докучать вам рассказом об их похождениях в первые семь лет³, скажу только, что они свято соблюдали отцовское завещание и держали кафтаны в отличном порядке; посетили разные страны, выдержали схватку с кучей великанов и одолели несколько драконов⁴.

Достигнув возраста, когда им можно было показываться в свете, приехали они в город и стали волочиться за дамами, особенно за тремя, бывшими в то время в большой славе: герцогиней *d'Argent*, *mademoiselle de Grands Titres* и графиней *d'Orgueil****. При первом своем появлении трое наших искателей приключений встретили очень дурной прием. Они быстро

* Под кафтантами, которые он завещал сыновьям, подразумевается еврейское платье. *B. Воттон.*

Ошибка (да позволено мне будет указать) ученого комментатора, ибо под тремя кафтантами подразумеваются догматы и вероучение христианства, мудростью божественного основателя приспособленные для всякого времени, места и обстоятельства. *Ламбен*².

** Новом завете.

*** Любовницами их были: герцогиня *d'Argent*, *mademoiselle de Grands Titres* и графиня *d'Orgueil*, т. е. Корыстолюбие, Честолюбие и Гордость — три великих порока, на которые ополчились первые отцы церкви как на главную язву христианства. *B. Воттон.*

LE CONTE DU TONNEAU

Дж. Свифт
«Сказка бочки»

смекнули, чем это вызвано, и немедленно начали делать успехи в тонком городском обхождении: писали, зубоскалили, подбирали рифмы, пели; говорили, ничего не высказывая; пили, дрались, развратничали, спали, ругались и нюхали табак; ходили в театры на первые представления; посещали кондитерские, били сторожей, ночевали на улице и заражались дурными болезнями; обсчитывали извозчиков, должали лавочникам и спали с их женами; избивали до смерти квартальных, спускали с лестницы скрипачей; обедали у *Локета*⁵, бездельничали в кофейне *Виля*⁶; говорили о гостиных, в которых никогда не бывали; обедали с лордами, которых в глаза не видели; шептали на ухо герцогине, которой никогда не сказали ни слова; выдавали каракули своей прачки за любовные записки знатных дам; то и дело приезжали прямо из дворца, где их никто не видел; бывали на утреннем приеме короля *sub dio*⁷; выучивали наизусть список пэрдов в одном обществе и болтали о них как о коротких знакомых — в другом. А больше всего любили бывать в собраниях сенаторов, которые безгласны в *палате*, но шумят в *кофейнях*, где пережевывают по вечерам политические темы, окруженные тесным кольцом учеников, жадно подбирающих роняемые ими крохи. Трое братьев приобрели еще сотню таких же высоких качеств, перечислять которые было бы скучно, и в результате стали вполне заслуженно пользоваться репутацией самых благовоспитанных людей в городе. Но этого все же было мало, и вышеупомянутые дамы по-прежнему оставались непреклонны.

<...> Трое наших братьев — искателей приключений совсем растерялись, попав в очень щекотливое положение. С одной стороны, три названных нами дамы, за которыми они ухаживали, были отъявленными модницами и гнушались всего, что хоть на волосок отклонялось от требований последней моды. С другой стороны, завещание отца было совершенно недвусмысленно и, под страхом величайших наказаний, запрещало прибавлять к кафтанам или убавлять от них хотя бы нитку, без прямого на то предписания. Правда, завещанные отцом кафтаны были из прекрасного сукна и спиты так ладно, что положительно казались сделанными из цельных кусков, но в то же время были очень просты и с самыми малыми украшениями или вовсе без украшений*. И вот случилось,

* Первая часть этой сказки содержит историю Петра и таким образом изображает папизм. Каждому известно, что паписты осложнили христианство большими добавлениями, что им и ставит главным образом в упрек англиканская церковь. Соответственно этому Петр начинает свои проделки нашивкой аксельбанта на свой кафтан. В. Воттон.

Описание сукна, из которого был спит кафтан, имеет более глубокое значение, чем то, что выражено словами: «Завещанные отцом кафтаны были из прекрасного сукна и спиты так ладно, что положительно казались сделанными из цельных кусков, но в то же время были очень просты

что не пробыли братья и месяца в городе, как вошли в моду большие *аксельбанты*^{*}; немедленно все стали щеголять в *аксельбантах*; без пышных *аксельбантов*¹⁰ нельзя было проникнуть в дамские будуары. У этого парня нет души! — восклицала одна, — где его *аксельбант*? Три брата по горькому опыту скоро убедились, какой недостаток в их туалете: каждое их появление на улице вызывало насмешки и оскорблений. Приходили они в *театр*, капельдинер посыпал их на галерку; кликали лодку, — лодочник отвечал: *Мой ялик только для господ*; хотели распить в *Розе*¹¹ бутылочку, — слуга кричал: *Здесь пива не подают, любезные!* Делали визит к даме, лакей встречал их на пороге словами: *Передайте мне ваше поручение.* В этом бедственном положении братья немедленно обратились к отцовскому завещанию, читали его вдоль и поперек, но об *аксельбантах* не нашли ни слова. Что было делать? Как выйти из затруднения? И повинование было необходимо и *аксельбантов* до смерти хотелось. После долгих размышлений один из братьев, который был начитаннее двух других, заявил, что придумал выход. *Действительно*, сказал он, в завещании нет никакого упоминания об *аксельбантах totidem verbis*^{**12}, но я осмеливаюсь высказать предположение, что мы можем найти их там *inclusiv* или *totidem syllabis*¹³. Это различие тотчас же было одобрено, и братья снова принялись разбирать завещание. Но несчастная их звезда подстроила так, что первого слога не оказалось во всей бумаге. Неудача не смущила однако того из братьев, что придумал первую увертку. *Братья*, сказал он, *не теряйте надежды; хотя мы не находим то, чего ищем, ни totidem verbis, ни totidem syllabis*, но ручаюсь, что мы разыщем нужное нам слово *tertio modo* или *totidem literis*¹⁴. Эта замечательная мысль тоже была встречена горячим одобрением, и братья еще раз принялись за работу. В самое короткое время они выискали *A, С, Е, Л, Ь, Б, А, Н, Т*. Но их положительно преследовала враждебная планета: буква *К* ни разу не встречалась во всем завещании. Затруднение казалось непреодолимым! Но находчивый брат

и с самыми малыми украшениями или вовсе без украшений*. В том отличительная особенность христианской религии *Christian religio absoluta ei simplex*⁸ — по свидетельству Аммиана Марцеллина⁹, который сам был язычник. *В. Воттон.*

* Под *аксельбантами* подразумевается внесение в церковь пышности и не нужных украшений, создававших лишь неудобство и не годившихся для назидания, подобно бесполезному *аксельбанту*, который лишь нарушает симметрию.

** Когда паписты не могут найти нужного им текста в *Писании*, они обращаются к *устному преданию*. Так, Петр удовлетворяется здесь отысканием всех букв слова, за которым он обращается к завещанию, когда ни составных слогов, ни тем более целого слова там не оказывается *in terminis*. *В. Воттон.*

(мы вскоре придумаем для него имя) при помощи весьма веских доводов, с завещанием в руке, доказал, что *K*—новая незаконная буква, неизвестная в просвещенные времена и отсутствующая в древних рукописях. *Правда*, сказал он, слово *calendae* писалось иногда *Q.V.C.** через *K*. но ошибочно, потому что в лучших списках всегда стоит *C*. Вследствие этого большая ошибка писать *аксельбанты* с *K* и в будущем он примет меры к тому, чтобы эта буква была выброшена¹⁵. После этого все затруднения исчезли: *аксельбанты* были явно дозволены *jure paterno*¹⁶ и три наших кавалера со спокойной совестью стали важно разгуливать с огромными развевающимися аксельбантами на кафтанах.

Но человеческое счастье непрочно; недолговечными оказались и тогдашние моды, от которых это счастье всецело зависит. *Аксельбанты* отжили свое время, и мы должны теперь представить их себе в состоянии упадка. Дело в том, что приехал из Парижа один вельможа с пятьюдесятью ярдами золотых галунов на кафтане, нашитых по последней придворной моде. Через два дня все нарядились в кафтаны, сверху до низу обшитые золотым галуном^{**}; кто осмеливался показываться в обществе, не украсив себя золотым галуном, тот вызывал скандал и встречал дурной прием у женщин. Что было делать трем нашим рыцарям в столь важных обстоятельствах? Они уже допустили большую натяжку относительно *аксельбантов*; обратившись к завещанию, братья нашли лишь *altum silentium*¹⁷. *Аксельбанты* были внешним, болтающимся, несущественным привеском, галуны же казались слишком серьезным изменением, чтобы произвести его без достаточного полномочия; они *aliquo modo essential adhaerere*¹⁸, и пошение их требовало поэтому прямого предписания. К счастью, как раз в это время упомянутый брат прочел *Диалектику Аристотеля* и особенно его удивительный трактат об истолковании¹⁹, научающий нас искусству находить для каждой вещи любое значение, кроме правильного; так поступают комментаторы *Откровений*, которые объясняют пророков, не понимая ни одного слова текста. *Братья*, сказал он, да будет вам известно^{***}, что *duo sunt genera*²⁰ завещаний: *устные***** и *письменные*. Что в этом письменном завещании, лежащем перед нами, нет предписания или упоминания о золотых галунах, *conceditur*²¹; но

* *Quibusdam Veteribus codicibus* — в некоторых древних рукописях.

** Не могу сказать, обозначает ли автор этими словами какое-либо нововведение или же только новые способы насилия над писанием и искажения его.

*** Ближайшим предметом остроумия автора являются глоссы и толкования *Писания*; целый ряд таких нелепых толкований допущен в канонических книгах римской церкви. *B. Воттон*.

**** Здесь имеется в виду *предание*, признаваемое римской церковью таким же авторитетом, как и *Писание*, и даже большим.

si idem affirmetur de писпаторио, negatur²², ибо, если вы помните, братья, мы слышали, когда были маленькими, как кто-то сказал, что он слышал, как слуга моего отца сказал, что он слышал, как отец сказал, что он советует сыновьям завести золотые галуны на кафтанах, как только средства позволят нам купить их. — Ей богу, это правда! — воскликнул другой брат. — Как же, прекрасно помню! — отзывался третий. Без дальнейших споров обзавелись они широчайшими галунами в околотке и стали разгуливать нарядные, как лорды. <...>

В следующую зиму один актер, подкупленный цехом бахромщиков, играл свою роль в новой комедии, весь покрытый серебряной бахромой*, после чего, согласно похвальному обычаю, бахрома эта вошла в моду. Когда братья обратились за советом к завещанию, они к великому изумлению, нашли там слова: а также *строжайше запрещаю поименованным трем сыновьям моим носить какую-либо серебряную бахрому как на указанных кафтанах, так и кругом них и т. д.*; далее следовал перечень наказаний в случае ослушания: он слишком велик для того, чтобы приводить его здесь. Однако по прошествии некоторого времени брат, выдававшийся своей начитанностью и весьма искусный по части критики, нашел у некоего писателя, которого называть не захотел, что стоящее в завещании слово бахрома значит также метла и несомненно должно быть истолковано здесь в таком смысле. С этим не согласился один из остальных братьев, потому что, по его скромному мнению, эпитет *серебряный* едва ли мог быть применен к метле; но в ответ ему было заявлено, что эпитет этот следует понимать в *мифологическом и аллегорическом* смысле. Однако скептик не унимался и спросил, зачем отцу понадобилось запрещать им носить метлу на кафтанах, — предостережение ненужное и целепое; его резко оборвали за столь непочтительное отношение к *тайне*, которая, несомненно, весьма полезна и многозначительна, но не следует чересчур о ней умствоваться и со слишком большим любопытством совать в нее нос. Словом, отцовский авторитет в то время уже настолько поколебался, что эта выдумка была принята как законное дозволение увешивать себя *серебряной бахромой* с головы до пят.

Через некоторое время возродилась старинная, давно забытая мода на вышитые *индийские фигуры*** мужчин, женщин и детей. Тут им не было надобности обращаться к завещанию.

* Это несомненный намек на дальнейший рост пышности церковных облачений и украшений.

** Иконы святых, девы Марии и спасителя в виде ребенка.

Ibid. Иконы римской церкви служат автору чрезвычайно удобным предлогом. Братья помнили и т. д. Аллегория здесь прямая. В. Вотсон.

Братья отлично помнили, какое отвращение питал всегда их отец к этой моде; завещание содержало даже несколько специальных оговорок, в которых он выражал свое крайнее порицание и грозил сыновьям вечным проклятием, если они вздумают носить упомянутые фигурки. Невзирая на это, через несколько дней они разрядились, как первейшие городские модники. Затруднения же разрешили, говоря, что теперешние фигурки вовсе не *те самые*, что носили когда-то, и которые подразумеваются в завещании. Кроме того, братья носили их не в том смысле, в каком они были запрещены отцом, но следуя похвальному и весьма полезному для общества обычаю. Таким образом, по мнению братьев, эти строгие оговорки завещания требовали некоторого *смягчения* и благожелательного толкования; их следовало понимать *cum grano salis*.

Но так как моды в ту эпоху менялись беспрестанно, то ученному брату надоело искать дальнейшие увертки и разрешать возникающие одно за другим противоречия. Решив во что бы то ни стало следовать светским модам, братья обсудили положение вещей и единогласно постановили запереть отцовское завещание в *крепкий ящик*^{*}, привезенный из Греции или Италии (я забыл, откуда именно), и больше не беспокоить себя обращением к нему, а только ссыльаться на его авторитет, когда они сочтут нужным. Вследствие этого, когда вскоре широко распространилась мода носить бесчисленное количество шнурков, в большинстве случаев с серебряными наконечниками, учений брат заявил *ex cathedra*^{**23}, что шнурки вполне согласуются с *jure paterno*, как все они хорошо помнят. Правда, мода в своих требованиях шла немного дальше прямых предписаний завещания, однако, в качестве полномочных наследников своего отца, они вправе сочинять и прибавлять некоторые оговорки на общее благо, хотя бы их и невозможно было вывести *totidem verbis* из буквы завещания, так как иначе *multa absurd a seque*²⁴. Это заявление было признано каноническим, и в следующее воскресенье братьяшли в церковь, с головы до пят покрытые шнурками.

Столь часто упоминаемый учений брат прослыл с тех пор

* Паписты прежде запрещали мирянам чтение Писания на родном языке; поэтому *Петр запирает отцовское завещание в крепкий ящик*, привезенный из Греции или Италии. Эти страны названы потому, что новый завет написан по-гречески, а вульгарная латынь, перевод на которую служит каноническим текстом библии в римской церкви, является языком древней Италии. *B. Воттон*.

** В своих декреталиях и буллах папы дали санкцию многим выгодным для них учениям, которые ныне приняты римской церковью, хотя о них нет упоминания в Писании и они были неизвестны древней церкви. Поэтому *Петр объявляет et cathedra*, что шнурки с серебряными наконечниками вполне согласуются с *jure paterno*, и братья стали носить их в большом количестве. *B. Воттон*.

знатоком во всех такого рода вопросах; поэтому когда дела его пошатнулись, он удостоился милости быть приглашенным в дом к одному вельможе* учить его детей. Спустя некоторое время вельможа умер, и ученый брат, набивший руку на отцовском завещании, ухитрился смастерить *дарственную запись*, отказывающую этот дом ему и его наследникам. Тотчас же он вступил во владение, выгнал детей покойника и вместо них поселил своих братьев**.

Раздел 4

С большими усилиями и старанием довел я читателя до периода, когда ему придется услышать о великих переворотах. Не успел наш *ученый брат*, так часто упоминавшийся в рассказе, обжиться в собственном доме, как начал задирать нос и страшно важничать; поэтому, если благосклонный читатель, по великому своему беспристрастию, не соблаговолит несколько возвысить свои представления, боюсь, он с трудом узнает героя нашей повести при встрече с ним: настолько переменились его роль, костюм, обращение.

Прежде всего он пожелал поставить своих братьев в известность, что он — старший, и поэтому единственный наследник отца. Больше того: через некоторое время запретил им звать его братом и потребовал, чтобы его величали господин *Петр*; потом — *отец Петр* и даже *милостивый государь Петр*. Вскоре он увидел, что для поддержания этого величия нужны более крупные средства, чем те, что были в его распоряжении: после долгих размышлений решил он стать *промсектером* и *мастером на все руки*, и так преуспел на этом поприще, что много знаменитых открытий, проектов и машин, которые теперь в таком ходу у нас, всецело обязаны своим возникновением изобретательности господина *Петра*. Приведу главнейшие из них <...>.

Первым предприятием господина *Петра* была покупка обширного материка, по слухам недавно открытого в *terra australis incognita****²⁶. Этот кусок земли он приобрел за бесценок от открывших его людей (хотя есть скептики, сомневающиеся, что те когда-нибудь были там) и затем по частям

* Подразумевается Константин Великий, от которого папы будто бы получили в дар вотчину св. Петра²⁵, хотя они никогда не могли представить доказательства.

** Римские епископы первоначально получили свои привилегии от императоров, которых в заключение вытеснили из их собственной столицы, после чего сочиняли в оправдание своего поступка сказку о константиновом *dare*. На это намекает поведение Петра, который, когда дела его пошатнулись, удостоился милости, и т. д. В. Воттон.

*** Подразумевается чистилище.

перепродал разным предпринимателям, которые отправились туда вместе с колонистами, но все погибли в пути от кораблекрушения. После этого *господин Петр* снова продал упомянутый материк другим покупателям, потом снова, и снова, все с такой же выгодой.

Вторым его изобретением, заслуживающим упоминания, было радикальное средство от глистов*, особенно тех, что водятся в селезенке**. Пациенту воспрещалось в течение трех ночей принимать какую-либо пищу после ужина; в постели он должен был непременно лежать на одном боку, а когда устанет, — перевернуться на другой; он должен был также смотреть обоими глазами на один и тот же предмет и ни в каком случае, без настоятельной нужды, не пускать ветров сверху и снизу одновременно. При тщательном соблюдении этих предписаний глисты незаметно выйдут при помощи испарины, поднявшись через мозг.

Третьим изобретением было учреждение *шептальни**** для блага всех и особенно людей, подверженных ипохондрии или страдающих коликами, подобно, например, соглядатаям, врачам, повивальным бабкам, мелким политикам, рассорившимся друзьям, поэтам, декламирующим собственные стихи, счастливым или отчаявшимся любовникам, сводням, членам тайного совета, пажам, тунеядцам и шутам, — словом, всем подверженным опасности лопнуть от изобилия *ветров*. В этой *шептальне* так ловко помещалась *ослиная* голова, что большой легко мог приблизить свой рот к любому ее уху; если он держал его в таком положении некоторое время, то благодаря силе, свойственной *ослиным* ушам, получал немедленное облегчение посредством отрыжки, испарины или рвоты.

Другим весьма благодетельным проектом *господина Петра* было страхование трубок, мучениц современной страсти к курению; сборников стихов, теней, ... и рек, чтобы охранить их от повреждений со стороны огня****. Отсюда ясно, что наши *дружеские общества*²⁷ есть лишь копии с этого оригинала: впрочем, и те и другие были весьма выгодны как для предпринимателей, так равно и для публики.

* *Покаяние и отпущение осмеяны под видом радикального средства от глистов*, особенно тех, что водятся в селезенке, каковые при соблюдении предписания Петра незаметно выходят при помощи испарины через мозг. *B. Воттон*.

** Здесь автор осмеивает епитимьи, накладываемые римской церковью, которые облегчаются для грешника сколько угодно, лишь бы только он хорошо заплатил.

*** При помощи *шептальни* для облегчения соглядатаев, врачей, сводней и членов тайного совета автор осмеивает тайну исповеди, и принимающий ее священник изображен под видом *ослиной* головы. *B. Воттон*.

**** Мне кажется, что это конторы по продаже *индульгенций*; злоупотребления с этой продажей и были первым поводом для реформации.

Господин *Петр* считался также изобретателем *марионеток* и *диковинок*^{*}, великая польза от которых настолько общеизвестна, что мне нет надобности вдаваться в подробности.

Но особенно он прославился открытием знаменитого универсального *рассола*^{**}. Заметив, что наш обыкновенный рассол^{***}, употребляемый домашними хозяйками, годится только для сохранения мяса битых животных и некоторых овощей, *Петр*, не щадя трудов и затрат, изобрел *рассол*, годный для домов, садов, городов, мужчин, женщин, детей и скота; все это он мог сохранять в нем в такой же неприкословимости, как насекомых в янтаре. На вкус, на запах и на вид рассол этот казался совершенно таким же, как и тот, в котором мы обычно храним мясо, масло и селедки, и часто с большим успехом применялся для этой цели, но благодаря многим своим превосходным качествам в корне отличался от обычного рассола, *Петр* клал в него щепотку особого порошка *пимперилимпим*^{****}, после чего успех его действия был обеспечен. Операция производилась при помощи окропления в определенные фазы луны. Если *рассолом* окроплялся дом, то окропление вполне охраняло его от пауков, крыс и хорьков; если окроплялась собака, это оберегало ее от коросты, бешенства и голода. Рассол *Петра* был также верным средством против лишаев, вшей и паршой у детей и никогда не мешал исполнению окропляемым его обязанностей ни в постели, ни за столом. <...>

Нужно упомянуть еще об одном весьма необычном проекте господина *Петра*, показывающем, насколько это был искусный и находчивый человек. Как только какого-нибудь мошенника из *Ньюгейта*²⁸ приговаривали к повешиванию, *Петр* предлагал выхлопотать ему, за определенную сумму, помилование, и когда бедняге удавалось наскрести денег и послать *Петру*, он получал в ответ от его сиятельства бумагу^{*****} следующего содержания:

Всем мэрам, шерифам, тюремщикам, полицейским приставам, палачам и т. д. Получив известие, что имярек, при-

* Думаю, что это монашество, смешные процессы и т. д. у цапистов.

** Автор называет универсальным *рассолом* святую воду, охраняющую дома, сады, города, мужчин, женщин, детей и скот, как янтарь насекомых. *B. Воттон*.

*** Прозрачный намек на то, что святая вода по своему составу ничем не отличается от обычной воды.

**** Так как святая вода отличается от обычной воды только тем, что ее освящают, то автор говорит нам, что рассол *Петра* получает от порошка *пимперилимпим* новые свойства, хотя ни по виду, ни по запаху, не отличается от обычного рассола, сохраняющего мясо, масло и селедки. *B. Воттон*.

***** Эта формула общего отпущения грехов, подписанная *Serrus servorum*²⁹.

Ibid. В письмах императора *Петра* осмеивается отпущение *in articulo mortis*³⁰ и такса *camerae apostolicae*³¹. *B. Воттон*.

говоренный к смерти, находится в настоящее время в вашей власти или во власти подчиненных вам, желаем и приказываем вам по получении сего освободить упомянутого заключенного, за какое бы преступление он ни был осужден: убийство, содомию, изнасилование, святотатство, кровосмешение, предательство, богохульство и т. д. Эта бумага будет служить вам достаточным полномочием. И если вы ослушаитесь, да проклянет вас бог и род ваш во веки веков. Шлем вам наилучшие пожелания.

Смиреннейший слуга слуг ваших императоров Петр.

Доверившись этой бумаге, несчастные теряли и жизнь и деньги.

<..> Господин Петр в короткое время баснословно разбогател. Но увы, наш прожектер так жестоко натрудил себе мозги, что в заключение они пришли в *расстройство* и по малейшему поводу начинали ходить кругом. Словом, от спеси, прожектерства и плутней бедный Петр совсем с ума спятил и стал предаваться самым диким фантазиям. В припадке безумия (как это обычно случается с людьми, у которых спесь повреждает рассудок) он называл себя *всемогущим богом* и подчас даже *повелителем вселенной**. Я видел его — рассказывает автор этой повести — в трех старых *высоких шляпах***, напяленных одна на другую, с *огромной связкой ключей**** за поясом и *удочкой* в руке. В таком наряде он показывался и, если кто-нибудь подходил к нему поздороваться и подавал руку, *Петр* с большим изяществом, подобно хорошо выдрессированной болонке, протягивал свою *ногу*****, а на отказ гостя принять эту любезность задирал ногу до самого его носа и награждал основательной зуботычиной; с тех пор эта зуботычина стала называться *приветствием*. Если кто проходил мимо, не отвесив ему поклона, *Петр*, отличавшийся большой силой легких, сдувал с неважи *шляпу* в грязь³². Тем временем все у него в доме пошло вверх дном, и братьям его приходилось туго. Первой его *бутадой****** по отношению к ним было вытолкнуть в одно прекрасное утро за дверь их *жен******, а заодно и свою собственную; на место их же велел привести с улицы первых встречных потаскунек³³. Вскоре после этого

* Папа не только почитается наместником Христа, но некоторыми богословами называется богом на земле и другими богохульными именами.

** Папская тиара.

*** Ключи церкви.

Ibid. Папская вселенская монархия, тройная корона папы, ключи и перстень с изображениями рыбака. B. Воттон.

**** И даже высокомерная манера папы требовать, чтобы ему целовали туфлю, не осталась без порицания. B. Воттон.

***** Это слово означает внезапную выходку, вроде удара копытом лошади, которая всегда была смиренной.

***** Намек на безбрачие римского духовенства. B. Воттон.

*Петр заколотил дверь в погреб и не давал братьям ни капли вина** к еде. Обедая однажды у одного именитого горожанина, *Петр слушал, как тот, по примеру его братьев, усердно расхваливал говяжий филей. Говядина, говорил умный горожанин, — царь всех кушаний. Она содержит в себе квинтэссенцию куропатки, перепелки, оленины, фазана, тортов и паштетов.* Когда Петр вернулся домой, ему пришло на ум воспользоваться этим рассуждением, приложив его, за отсутствием филея, к черному хлебу. *Хлеб, дорогие братья, сказал он, есть главная поддержка жизни; в нем содержится квинтэссенция говядины, баранины, телятины, оленины, куропатки, тортов и паштетов; в довершение всего туда подмешано должное количество воды, жесткость которой в свою очередь смягчена закваской или дрожжами, вследствие чего она превращается в здоровую перебродившую жидкость, разлитую по всей массе хлеба.* В строгом соответствии с этим рассуждением на другой день к обеду с большой торжественностью подан был каравай хлеба. *Пожалуйста, братья, сказал Петр, кушайте, не стесняйтесь; это великолепная баранина**; или постойте; я уже постал и сам положу вам.* С этими словами он с большой важностью взял нож и вилку, отрезал два больших ломтя от каравая и положил братьям на тарелки. Старший брат, не сразу проникнув в намерения господина Петра, начал весьма вежливо допытываться смысла этой мистерии. *Почтильнейше осмеливаюсь заметить вашей милости, сказал он, тут должно быть какое-то недоразумение. — О, да ты большой забавник! — вскричал Петр. — Выкладывай-ка свою шутку, у тебя ведь голова всегда полна шуточками. — Нисколько, ваша милость! Если слух меня не обманывает, вашему сиятельству угодно было сейчас обронить словечко о баранине, и я от всего сердца был бы рад увидеть ее. — Что ты мелешь? — воскликнул Петр, прикидываясь крайне удивленным. Ровнейхонько ничего не понимаю. Тут вмешался младший брат — с целью внести ясность в положение: Мне кажется, ваша милость, сказал он, брат мой голоден и хочет барашка, которого ваше сиятельство обещали нам к обеду. — Что это за дурачество? Или вы оба с ума сошли, или очень вам сегодня весело, — а вы знаете, веселья я не люблю. Если тебе, капринику, не нравится твой кусок, я отрежу другой, хотя, по-моему, я положил тебе самую лакомую часть лопатки. — Неужели, ваша милость, воскликнул первый*

* Отказ папы причащать мирян из чаши под тем предлогом, что кровь содержится в вине и что хлеб есть подлинное тело Христа.

** Пресуществление. Петр обращает хлеб в баранину (а также и вино, соответственно папскому учению о соприсутствии) и вытаскивает корки хлеба за баранину. В. Воттон.

брат, это по- вашему лопатка барашка? — Прошу вас, сударь, оборвал его Петр, кушайте, что вам положено, и прекратите, пожалуйста, ваши дерзости, так как я сейчас совсем не расположен терпеть их. Тут младший брат, выведенный из себя напускной серьезностью Петра, не выдержал: Черт возьми, сударь! Право же, для моих глаз, пальцев, зубов и носа это только корка хлеба! Вмешался и другой брат: Никогда в жизни не видел я куска баранины, до такой степени похожего на ломоть двенадцатипенсового хлеба. — Послушайте, господа, в бешенстве закричал Петр, вы просто слепые, непроходимо-глупые, упрямые щенки; вот вам один простой довод, который убедит вас в этом: ей же ей, это самый настоящий добротный, натуральный барашек, не хуже, чем с рынка Леден-Холл; черт вас побери совсем, если вы попробуете думать иначе! Такое громовое доказательство не допускало дальнейших возражений; маловеры поспешили загладить свой промах. В самом деле, сказал первый, по более зрелом размышлении... — Да, да, перебил второй, тщательно все взвесив и обдумав, я нахожу, что ваше сиятельство вполне правы. — Вот то-то же! — сказал Петр. Эй, любезный, налей-ка мне кружку красного вина! От всего сердца выпью за вас. Очень обрадовавшись, что Петр так скоро успокоился, братья почтительно его поблагодарили и сказали, что сами с удовольствием выпили бы за его здоровье. — Отчего же, сказал Петр. Я никому не отказываю в разумных просьбах. Вино в умеренном количестве подкрепляет. Вот вам по стакану. Это натуральный виноградный сок, а не бурда от ваших проклятых кабатчиков. Произнося это, он снова положил братьям по большой сухой корке, приглашая их выпить не церемонясь, так как вреда от этого не будет. В этом щекотливом положении братья лишь пристально посмотрели на господина Петра, да переглянулись между собой; увидя, какой оборот приняло дело, они решили не вступать больше в пререкания и предоставить Петру делать что ему вздумается: он явно был в припадке безумия, и продолжать с ним спор или укорять его значило бы сделать его в сто раз более несговорчивым.

Я счел нужным так обстоятельно изложить это важное событие, потому что оно послужило главной причиной знаменитого великого разрыва*, происшедшего вскоре между братьями, после которого они так и не примирились. <...>

Следует заметить, что господин Петр, даже в минуты просветления, был крайне невоздержан на язык и скорее пропорил бы до смерти, чем согласился бы признать в чем-нибудь свою неправоту. Кроме того, он обладал отвратительной при-

* Под этим разрывом подразумевается реформация.

Tom. I. Pag. 145.

Дж. Свифт
«Сказка бочки»

вычкой говорить заведомую чудовищную ложь по всякому поводу и при этом не только клялся, что говорит правду, но посыпал к черту всякого, кто выражал малейшее сомнение в его правдивости. Однажды он поклялся, будто у него есть корова*, которая дает столько молока зараз, что им можно наполнить три тысячи церквей и — что еще более удивительно — молоко это никогда не киснет. Другой раз *Петр* рассказывал, будто ему достался от *отца* старый указательный столб**, в котором столько гвоздей и дерева, что из него можно построить шестнадцать больших военных кораблей. Когда однажды зашла речь о *китайских* тележках, настолько легких, что они могли идти на парусах по горам, *Петр* пренебрежительно воскликнул: *Эка невидалъ! Что же тут удивительного? Я собственными глазами видел, как большой каменный дом*** сделал по морю и по суше (правда, с остановками в пути, чтобы подкрепиться) около двух тысяч германских лиг!* Всего замечательнее, что *Петр* уснащал эти рассказы отчаянными клятвами, будто ни разу в своей жизни он не солгал. После каждого слова он приговаривал: *Ей богу, господа, говорю вам святую правду! А всех, кто не поверит мне, черт будет жарить до скончания века!*

Словом, поведение *Петра* стало таким скандальным, что все соседи иначе не называли его, как мошенником. Братья долго терпели дурное обращение, но наконец оно им надоело, и они решили покинуть *Петра*. Однако сначала обратились к нему с почтительной просьбой выдать им копию отцовского завещания, которое давным-давно лежало заброшенное. Вместо того чтобы исполнить законную просьбу, *Петр* обозвал их *сукими сынами, мерзавцами, предателями* — словом, самыми последними словами, какие только мог припомнить. Но однажды, когда он отлучился из дома из-за своих проектов, младшие братья воспользовались случаем, отыскали *завещание* и сняли с него *копия вера*****; они убедились при этом, как грубо были обмануты: отец сделал их *наследниками* в равной доле и строго наказал владеть сообща всем, что они наживут. В ис-

* Смехотворное преувеличение количества молока девы *Марии* показано аллегорически в образе коровы, дающей столько молока сразу, что им можно наполнить три тысячи церквей. *В. Воттон.*

** Под этим *указательным столбом* подразумевается крест, на котором был распят Христос.

*** *Лоретская* часовня. Автор нападает здесь на нелепые измышления папства: *римская* церковь стремится подобными вещами одурачить глупый суеверный народ, чтобы выманить у него деньги; мир слишком долго пребывал в рабстве, и наши предки блестяще освободили нас от этого ига. *Римскую* церковь следует подвергнуть суровому порицанию, и автор оказывает человечеству большую услугу своими насмешками. *В. Воттон.*

Ibid. *Лоретская* часовня, которая будто бы прибыла из святой земли в Италию³⁴.

**** Перевод Писания на живые языки.

полнении отцовской воли они первым делом взломали двери погреба и основательно выпили*, чтобы ублажить себя и приободриться. Переписывая завещание, они нашли там запрещение развратничать, разводиться и содержать наложниц, после чего тотчас же спровадили** своих сожительниц и вернули жен. В разгар этих событий вдруг входит стряпчий из Ньюгейта с целью выхлопотать у господина Петра помилование для одного вора, которого завтра должны повесить. Но братья сказали ему, что только простофиля может просить помилование у человека гораздо больше заслуживающего виселицы, чем его клиент: и открыли все проделки мошенника в тех самых словах, как они были сейчас мною изложены, посоветовав стряпчему побудить своего друга обратиться за помилованием к королю***. Среди этой суматохи и волнения является Петр со взводом³⁵ драгун****. Проведав, что у него в доме неладно, он вместе со своей шайкой разразился потоками непристойной браны и проклятий, которых нет большой надобности приводить здесь, и пинками вытолкал***** братьев за дверь; с тех пор он не пускает их к себе на порог.

Раздел 6

Мы покинули господина Петра тотчас после его открытого разрыва с братьями. Оба они навсегда были изгнаны из его дома и пущены по свету сиротами беспризорными. <...>

Изгнанники, тесно связанные несчастьем и общей участью, поселились вместе и стали на досуге размышлять о бесчисленных невзгодах и неприятностях своей прошлой жизни. Не сразу могли они сообразить, какой поступок навлек на них все эти бедствия. Наконец, поломав голову, вспомнили о копии отцовского завещания, которую им посчастливилось раздобыть. Тотчас же они достали ее и твердо порешили между собой исправить все допущенные ошибки и принять в будущем все меры к строжайшему исполнению отцовских предписаний. Большая часть завещания (читатель наверное еще не забыл этого) состояла из ряда замечательных правил как следует носить кафтан. Прочтя завещание и тщательно сравнив, пункт за пунктом, наставления с практикой, братья были поражены: чудовищные очевидные нарушения открывались на каждом шагу.

* Причашение мирян вином.

** Разрешение священникам вступать в брак.

*** Кающимся дается совет не верить прощениям и отпущениям, полученным за деньги, но обращаться прямо к Богу, который один только властен отпускать грехи.

**** Под драгунами Петра подразумевается гражданская власть, применяемая против протестантов приверженными римскому суеверию князьями.

***** Папа отлучает от церкви всех, кто расходится с ним в убеждениях.

Тогда они решили немедленно приступить к переделке кафтанов по указаниям отца.

<...> Надо заметить, что братья начали к этому времени различаться особыми именами. Один пожелал называться *Мартином**, а другой выбрал себе имя *Джек***. Под тиранической властью брата *Петра* оба они жили в большой дружбе и согласии, как и свойственно товарищам по несчастью. В несчастье, как и в темноте, все цвета кажутся одинаковыми. Но едва братья вышли в свет и стали действовать на свободе, тотчас обнаружилось резкое различие их характеров. Тepерешнее положение дел скоро дало им случай убедиться в этом.

<...> Два брата как раз собрались реформировать свою одежду по отцовским предписаниям, приведя ее в первонаучальный вид.

Братья дружно принялись за это великое дело, поглядывая то на свои кафтаны, то на завещание. *Мартин* первый приложил руку; в один прием сорвал он целую горсть шнурков, после чего та же участь постигла сотню ярдов бахромы. Но после этих энергичных движений он приостановился. Ему хорошо было известно, что работы еще много. Однако, когда первый порыв прошел, его рвение начало остывать, и он решил в дальнейшем действовать осмотрительнее; и был прав, так как чуть не продырявил кафтан, срывая *шнурки с серебряными наконечниками**** (как уже было отмечено выше), которые добросовестный портной пришил двойным швом, чтобы не отвалились. Поэтому, решив убрать с кафтана кучу золотых галунов, он стал их осторожно отпарывать, тщательно выдергивая из сукна все торчавшие нитки, что потребовало немало времени. Потом *Мартин* взялся за вышитые *индийские* фигурки мужчин, женщин и детей; по отношению к этим фигуркам, как уже известно читателю, отцовское завещание высказывалось необыкновенно ясно и сурово; поэтому он с большой ловкостью и тщательностью их выпорол или сделал неузнаваемыми. Что касается остальных украшений, то в тех случаях, когда видно было, что они пришиты слишкомочно и сорвать их невозможно, не повреждая сукна, или когда они прикрывали дыры в кафтане, получившиеся от постоянной возни с ним портных, *Мартин* благоразумно оставлял их в покое, решив ни в коем случае не допускать порчи кафтана; по его мнению, это больше всего соответствовало духу и смыслу отцовского завещания³⁶. Вот самые точные, какие мне удалось собрать, сведения о поведении *Мартина* во время этого великого переворота.

* Мартин Лютер.

** Джон Кальвин.

*** Серебряные наконечники — учения, оправдывающие могущество и богатство церкви, которыми с течением времени насквозь пропитался напизм.

<...> Брат Джек, переполненный до краев чудесным *рвением*, с негодованием размышлял о тирании *Петра*; флегматичность *Мартина* совсем взвесила его, и свои решения он начал с отборной браны: *Как! Мошенник запирал от нас вино, выгнал вон наших жен, обирал нас, навязывал нам дрянные хлебные корки под видом баранины, вытолкал нас в шею, и мы должны одеваться по модам такой сволочи! Весь околоток кричит, что это негодяй и мерзавец!* Разъярившись и воспламенившись до самой последней степени,— самое подходящее настроение, чтобы приступить к реформации,— он тотчас же принялся за работу и в три минуты успел натворить больше, чем *Мартин* за много часов. Ибо надо вам знать, любезный читатель, что ничем нельзя так разодолжить *рвения*, как давши ему что-нибудь *рвать*; и *Джек*, без памяти любивший это свое качество, обрадовался удобному случаю дать ему полную волю. Неудивительно, что, отхватывая чересчур торопливо кусок золотого галуна, он разорвал *весь свой кафтан* сверху донизу, и так как не отличался большим искусством по части *штопаний*, то мог только заметать прореху бечевкой и *рогожной иглой*. Но еще гораздо хуже вышло (не могу рассказывать об этом без слез), когда он перешел к *вышивкам*. Парень от природы неуклюжий и нрава нетерпеливого, как взглянул *Джек* на миллионы стежков, распутывание которых требовало ловкой руки и хладнокровия, сразу в бешенстве оторвал целый кусок вместе с сукном и швырнул его на улицу в сточную канаву, завопив: *Милый брат Мартин, ради бога делай, как я: снимай, рви, тащи, кромсай, сдирая всю эту гадость, чтобы у нас было как можно меньше сходства с трехклятым Петром!* За сто фунтов не стану я носить ни одной вещицы, которая может внушить соседям подозрение, что я в родстве с таким негодянем³⁷. Однако *Мартин* был тогда в самом спокойном и благодушном настроении и стал упрещивать брата из любви к нему не портить кафтана, потому что другого такого ему никогда не достать. Он указал *Джеку* на то, что в своих поступках им следует руководиться не злобой на *Петра*, но предписаниями отцовского завещания. Не нужно забывать, что *Петр* — все же их брат, несмотря на все его обиды и несправедливости; поэтому они должны всячески остерегаться брать мерилом добра и зла только противоположность ему во всех отношениях. Правда, завещание их доброго батюшки отличается большой точностью во всем, что касается ношения кафтанов, но не менее строго предписывает оно братьям блюсти между собою дружбу, согласие и любовь. Следовательно, если вообще позволительно какое-либо нарушение отцовской воли, то, конечно, скорее в сторону укрепления согласия, чем роста в сторону вражды.

<...> Невозмутимость *Мартина* приводила *Джека* в

бешенство. Больше всего раздражало его то, что кафтан брата был аккуратно приведен в состояние невинности, тогда как его собственный в одних местах был разорван в клочья, в других же, избежавших его свирепых когтей, украшения Петра сохранились в неприкосновенности, так что Джек смотрел пьяным франтом, потрепанным *драгунами*, или новым постояльцем *Ньюгейта*³⁸, отказавшимся дать тюремщикам и товарищам на чай, или пойманном *вором*, отданным на милость лавочниц, или *сводней* в старой бархатной юбке, попавшей в цепкие руки *толпы*. Покрытый *лоскутьями*, *галунами*, *прорехами* и *бахромой*, несчастный Джек похож был теперь на любого из этих типов или на всех их вместе. Очень бы он был доволен, если бы его кафтан находился в том же состоянии, что и кафтан *Мартина*, но еще с бесконечно большим удовольствием увидел бы кафтан *Мартина* в таких же лохмотьях, как собственный. Но так как ни того, ни другого в действительности не было, то Джек решил придать всему делу другой оборот, обратив печальную необходимость в высокую добродетель. И вот он пустил в ход все *лисьи*³⁹ доводы, какие только мог придумать, чтобы *образумить* *Мартина*, по его выражению, то есть убедить брата обкарнать свой кафтан и разорвать его в клочки. Увы, все красноречие Джека пропадало даром! Что ему, бедняге, оставалось делать, как не обрушиться на брата с потоками ругани, задыхаясь от раздражения, злобы и желания перечить ему? Короче говоря, с этих пор разгорелась между братьями смертельная вражда. Джек немедленно переселился на *новую квартиру*, и через несколько дней пронесся упорный слух, что он совсем спятил. Вскоре он стал показываться на улице, подтвердив слух самыми дикими причудами, какие когда-либо рождались в больном мозгу.

С этих пор уличные мальчишки стали давать ему разные прозвища. Его обзывали то *Джеком Лысым*^{*}, то *Джеком с Фонарем*^{**}, то *Голландцем Джеком*^{***}, то *Французом Гугом*^{****}, то *Ницшим Томом*^{*****}, то *Шумным Северным Джеком*^{*****}. <...>

Раздел 11

<...> Перехожу теперь к рассказу о замечательных приключениях моего достославного Джека. <...>

Джек обзавелся прекрасной копией отцовского завещания.

* Кальвин, от *calvus* — лысый.

** Все вдохновляющиеся внутренним светом.

*** Джек Лейденский, вождь *анабаптизма*⁴⁰.

**** Гугеноты.

***** Гёзы, так назывались во Фландрии некоторые протестанты⁴¹.

***** Джон Нокс, реформатор шотландской церкви⁴².

переписанной по форме на большом листке пергамента, и, решив играть роль почтительного сына, привязался к этому пергаменту выше всякой меры. Хотя завещание, как я уже неоднократно говорил читателю, состояло лишь из ряда ясных, легко выполнимых предписаний, как сохранять и носить кафтаны, с перечислением наград и наказаний в случае соблюдения или несоблюдения этих предписаний, однако Джек забрал себе в голову, что они заключают более глубокий и темный смысл и под ними непременно кроется какая-то великая тайна. Господа, говорил он, я докажу вам, что этот кусок пергамента является пищей, питьем и одеждой, философским камнем и универсальным медикаментом. Увлеченный этими бреднями, он решил пользоваться завещанием как в важнейших, так и в ничтожнейших обстоятельствах жизни*. Джек научился придавать ему какую угодно форму: завещание служило ему ночным колпаком, когда он ложился спать, и зонтиком в дождливую погоду. Оторвав от него кусок, он обвязывал пораненный палец на ноге, а в случае припадков сжигал два дюйма пергамента у себя под носом; почувствовав тяжесть в желудке, скоблил его и глотал щепотку порошка, сколько помещалось на серебряном пинни — все такие лекарства действовали отлично. В соответствии с этими ухищрениями он иначе и не разговаривал, как текстами завещания; в пределах завещания было заключено все его красноречие; он не осмеливался проронить ни единого звука, который не подкреплялся бы завещанием**. Однажды в чужом доме он вдруг почувствовал неотложную нужду, о которой неудобно слишком подробно распространяться: в этой крайности он не мог с должной быстротой припомнить точный текст завещания, чтобы спросить дорогу в нужник, и поэтому счел более благоразумным подвергнуться обычной в таких случаях неприятности. И все красноречие общества не могло убедить его почиститься, потому что, справившись с завещанием по поводу этого приключения, он наткнулся на одно место*** в самом конце его (может быть, даже вставленное переписчиком), по-видимому, воспрещавшее чистоплотность.

<...> Джек ходил по улицам с закрытыми глазами, и если ему случалось удариться головой о столб или свалиться в канаву (чего он редко избегал), он говорил с насмешкой гла-

* Автор бичует здесь пуритан, вменяющих себе в такую заслугу употребление текстов Писания по всякому поводу.

** Диссиденты-протестанты употребляют фразы из Писания в своих речах и сочинениях чаще, чем лица, принадлежащие к английской церкви; поэтому Джек пересыпает свои повседневные разговоры текстами из завещания. *B. Воттон*.

*** Не могу догадаться, на что здесь намекает автор, хотя мне было бы очень приятно получить разъяснение вследствие важности рассматриваемого случая.

зевшим на него подмастерьям, что безропотно переносит свое несчастье, как подшиб или удар судьбы, с которой, по его убеждению, вынесенному из долгого опыта, бесполезно спорить и бороться; кто на это решается, тот наверное выходит из борьбы со сломанной ногой или расквашенным носом. За несколько дней до сотворения мира, говорил он, определено было, чтобы мой нос и этот столб столкнулись, и поэтому прорицание⁴³ сочло нужным послать нас в мир одновременно и сделать соотечественниками и согражданами. Если бы глаза мои были открыты, то, по всей вероятности, дело кончилось бы гораздо хуже. Разве не отступаются ежедневно люди, несмотря на всю свою предусмотрительность? Кроме того, глаза разума видят лучше, когда глаза чувства не стоят на их пути; вот почему наблюдение показывает, что слепые размеряют свои шаги с большой осторожностью, осмотрительностью и благородствием, чем те, кто слишком полагается на силу зрительного нерва, который ничтожнейшая случайность сбивает с толку, а какая-нибудь капелька или пленка приводит в полное замешательство: наш глаз похож на фонарь, попадающий в кучу шатающихся по улицам шумных буянов: он навлекает и на себя и на своего владельца пинки и затрешины, которых легко можно было бы избежать, если бы тщеславие позволило им ходить в темноте. Больше того: если мы исследуем поведение этих хваленных светочек, то окажется, что они заслуживают еще худшей участи, чем та, что им досталась. Да, я разбил себе нос об этот столб, потому что прорицание позабыло или не сочло нужным толкнуть меня под локоть и предупредить об опасности. Но пусть мое несчастье не поощряет ни теперешнее поколение, ни потомков доверять свои носы руководству глаз, ибо это вернейший способ лишиться их навсегда. О, глаза! О, слепые руководители! Жалкие вы стражи наших хрупких носов! Вы устремляетесь к первой завиденной вами пропасти и тащите за собой наши несчастные покорные тела на самый край гибели; но, увы, край этот подгнил, наши ноги скользят, мы кубарем катимся прямо в бездну, не встречая на пути ни одного спасательного кустика, который задержжал бы наше падение, — падение, в котором не устоит ни один смертный нос, разве только нос великана Лауркалько*, повелителя Серебряного моста⁴⁴. Поэтому самым подходящим для вас, о, глаза, и самым правильным сравнением будут блуждающие огни, которые водят человека по болоту и во тьме, пока он не попадет в глубокую яму или в зловонную трясину.

* См.: «Дон Кихот».

Я привел эту речь как образец замечательного красноречия Джека и убедительности его рассуждений на такие сокровенные материи. <...>

Зимой он всегда ходил незастегнутый, нараспашку и одевался как можно легче, чтобы *впускать* окружающий его жар; летом же закрывался как можно теплее, чтобы *не допускать* его к себе*.

При всех государственных переворотах он домогался должности главного *палача*** и в исправлении этих благородных обязанностей обнаруживал большую ловкость, пользуясь в виде маски длинными *молитвами****.

Язык у него был такой мускулистый и тонкий, что он мог просовывать его в нос и держать таким образом весьма странные речи. Он первый также в наших королевствах стал совершенствовать испанскую способность *реветь по -ослину*⁴⁵; и при длинных ушах, постоянно настороженных и стоявших торчком, он довел свое искусство до такого совершенства, что при помощи зрения или слуха было крайне трудно отличить *копию от оригинала*.

Он страдал болезнью прямо противоположной той, что вызывается укусом *тарантула*⁴⁶, и приходил в бешенство при звуках *музыки*, особенно *волынки*****. От этих припадков он лечился тем, что прохаживался несколько раз по *Вестминстерголлу*, *Биллингейтсу*⁴⁷, по *школе-интернату*, по королевской *бирже* или по *литературной кофейне*.

Джек, хотя и не боялся *красок*, но смертельно их *ненавидел* и вследствие этого питал лютое отвращение к *живописцам*****, настолько, что, проходя во время своих припадков по улицам, набивал карманы камнями и швырял их в *вески*. <...>

Он первый открыл секрет составления *сноворного* средства, вводимого через *уши******; оно состояло из *серы*, *голландского бальзама* и небольшой дозы *мази пилигримов*.

Он носил на животе большой пластырь из *прижигающих* веществ, жар которого вызывал у него *стоны*, как у знаменитой *доски*⁴⁸, когда к ней прикладывают раскаленное докрасна железо.

* Подчеркнуты различия в обычаях и поведении диссентеров.

** Диссентеры — беспощадные гонители под маской ханжества и набожности.

*** Кромвель и его союзники пришли, как они выражались, *искать бога*, когда решили убить короля.

**** Здесь излагается отвращение наших диссентеров к инструментальной музыке в церквях. *B. Воттон*.

***** Диссентеры восставали против самых невинных украшений и удаляли статуи и иконы из всех английских церквей.

***** Проповеди фанатиков, изображающих ад и вечные муки или тошнотворно описывающие небесные радости; и те и другие весьма неряшливо и дурно составленные, очень напоминающие мазь пилигрима.

Остановившись на углу какой-нибудь улицы, он обращался к прохожим с такими просьбами: *Достоуважаемый, сделайте одолжение двиньте меня хорошенько в зубы**. Или: *Почтеннейший, прошу вас, удостойте меня пинком в зад.* — *Сударыня, могу я попросить вас смазать меня в ухо вашей изящной ручкой?* — *Благородный капитан, ради создателя, огрейте меня вашей палкой по этим жалким плечам.* Добившись при помощи столь настойчивых упрашиваний основательной трепки, он возвращался домой с припухшими боками и разогретым воображением, но очень довольный, и принимался сочинять страшные рассказы о том, как пострадал он за общее благо. — *Взгляните на этот подтек,* говорил он, обнажая плечи: *уж и согрел меня сегодня, в семь часов утра, один проклятый янычар, когда я с великими усилиями гнал турецкого султана. Дорогие соседи, право, эта разбитая голова заслуживает пластиря; если бы бедный Джек жалел эту башку, ваши жены и кладовые давно бы уже стали добычей папы и французского короля. Дорогие христиане, великий могол был уже в Уайт-Чепеле⁴⁹, благодарите же мои несчастные бока, что он (помилуй нас, боже) не пожрал еще нас всех с женами детьми!* <...>

Выражение «сказка бочки» было крылатой фразой в Англии XVII и XVIII вв., оно означало «бабушкины сказки», «забавные выдумки», погудки, побасенки. Д. Свифт вернулся этому выражению его первоначальный смысл морского термина. «У моряков существует обычай, — пишет он, — когда они встречают кита, бросать ему для забавы пустую бочку и тем отвлекать его от нападения на корабль». Он написал свою «Сказку бочки», чтобы отвлечь бездарных, но злобных критиков своего патрона У. Темпля от допущенных им в его памфлете (*«О древней и новой образованности»*, 1690) грубых историко-филологических ошибок.

Однако произведение Свифта вышло за эти узкие рамки. «Сказка бочки» — гениальная антирелигиозная и социальная сатира.

Вместе с тем Свифт подверг уничтожающей критике таких столпов официальной литературы того времени, как придворный поэт Д. Драйден, писатель Томас Реймер, задававший тон в официозной печати и т. п. По существу, Свифт выступал против эстетики классицизма, требуя от критиков умения не только подчеркнуть недостатки в произведении, но и обнаружить его достоинства, провозглашая превосходство живого разговорного языка над условным манерным языком ученых педантов, требуя обращения к живой действительности и отказа от изображения жизни давно прошедших эпох по «правилам Горация».

Свифт подвергает беспощадному осмеянию не только католицизм и пуританскую церковь (диссидентов), он едко и зло глумится над религиозным фанатизмом любых сект и религий, считая религиозное рвение безумием. Как служитель официальной (англиканской) церкви Свифт не мог ее критиковать, не мог он также прямо нанести удар и по христианству в целом. Однако смех его настолько по-раблезиански оглушителен, его юмор и ирония настолько всесокрушающи, что современники, придерживавшиеся передовых взглядов, восприняли его сатиру как критику христианства

* Фанатики всегда делали вид, будто им приходится терпеть преследования и вменяли себе в большую заслугу малейшее лишение, которому подвергались.

в целом. Так, например, Вольтер следующим образом оценил «Сказку бочки»: «Свифт высмеял в своей «Сказке бочки» католичество, лютеранство и кальвинизм. Он ссылается на то, что не коснулся христианства, он уверяет, что был исполнен почтения к отцу, хотя попотчевал его сыновей сотней розог; но недоверчивые люди нашли, что розги были настолько длинные, что задевали и отца».

Свифт не ограничивается разоблачением одной только реакционной сущности религии, он ополчается против «множества пороков и сумасбродств» ее последователей. Выступая как продолжатель дела сатириков эпохи Возрождения — Рабле и Сервантеса, — он бесстрашно указывает на лицемерие, лживость и безумие буржуазно-аристократической верхушки английского общества начала XVIII в.

В притчу-жизнеописание трех братьев — Петра (католицизм), Мартина (лютеранство) и Джека (кальвинизм, пуританство) — он вводит многочисленные вставные истории. Таково, например, «Отступление касательно происхождения, пользы и успехов безумия в человеческом обществе». Сатирик весьма недвусмысленно намекает на то, что порядок вещей, утвердившийся в высшем лондонском свете, имеет много общего с бедламом (дом для душевнобольных в Лондоне). Поэтому он дает иронический совет: набирать кадры для высших церковных, государственных и военных органов среди душевнобольных. Уже в этой ранней сатире Д. Свифта мы встречаемся с всеобъемлющей критикой политических, экономических, идеологических и социальных устоев английского государства, высказанной в аллегорической форме.

Вместе с тем даже в первых произведениях великого сатирика налицо сочетание разящей иронии и сарказма со страстью мечтой о светлом будущем Британии, тоской по идеалу красоты и совершенства, болью за судьбу миллионов исковерканных и загубленных людей.

Выше приводятся отрывки из произведений.

¹ Вильям Воттон (*и Ричард Бентли*) — ученые-филологи, члены «Королевского общества» (британской академии наук), выступившие в печати против патрона Д. Свифта В. Темпля.

В 1690 г. В. Темпль опубликовал памфlet «О древней и новой образованности», в котором отрицал теорию французских академиков Фонтенеля и Перро о превосходстве французской литературы конца XVII в. над всеми литературами прошлого (включая и литературы древней Греции и Рима). Однако, справедливо считая ошибочным мнение, будто все прошлые завоевания человеческого гения в области искусства ниже современных произведений (Перро, например, утверждал, что Буало выше Горация, это, кстати, вызвало горячий протест со стороны самого Буало), В. Темпль впадал в другую крайность, утверждая, что творения писателей прошлых эпох непременно выше современных произведений. При этом он допустил несколько фактических ошибок, приписал анонимный сборник латинских писем агриентскому тирану IV в. Фалариду, тогда как Фаларида жил за сто лет до появления этого сборника.

и т. д. Этими и другими ошибками Темпля поспешили воспользоваться его оппоненты — Воттон и Бентли, стремившиеся прославиться как критики известного дипломата-писателя.

В защиту Темпля выступил Свифт со своей сатирой «Отчет о битве книг в Сент-Джемской библиотеке» (где Бентли служил библиотекарем). Воттон и его друг Бентли были посрамлены и разоблачены как ехолсты, сбрасывающие со счетов достижения прошлого. Углубляя критику взглядов В. Воттона в «Сказке бочки», Д. Свифт прибегает к весьма остроумному приему: в издании памфлета 1710 г. он помещает в качестве подстрочного комментария фразы и целые абзацы, вырванные из критической статьи этого автора, направленной против самого Свифта. Дабы посрамить Воттона за его невежество и тупоумие, Свифт нередко снабжает «комментарии» Воттона своими контркомментариями, в которых тонко высмеивает противника.

² Ламбен — автор памфлета — сам Д. Свифт. Подстрочные комментарии без подписи также принадлежат перу великого сатирика.

³ То есть семь веков раннего христианства, когда сильная вера обеспечивала единство церкви (в средние века).

⁴ То есть успешно преодолели ряд так называемых «еретических учений» раннего периода церковной истории.

⁵ Содержатель известного своей тонкой французской кухней лондонского ресторана.

⁶ Кофейня Виля — кофейня, где собирались литераторы.

⁷ *Sub dio* — под открытым небом. Здесь и далее Свифт употребляет латынь, пародируя нелепые трактаты богословов, стремившихся скрыть их пустоту и отсутствие смысла длинными цитатами из латинских и греческих авторов.

⁸ *Christian religio absoluta et simplex* — христианская религия совершенна и простирается (лат.).

⁹ Аммиан Марцеллин — ученый, римский историк начала IV в. н. э.

¹⁰ Аксельбанты — зд. банты из шелка или парчи, нередко украшенные драгоценными камнями.

¹¹ Питетное заведение в центральной части Лондона.

¹² *Totidem verbis* — именно этого слова — нет (лат.).

¹³ *Inclusiv* или *totidem syllabis* — можно подыскать слоги, из которых это слово складывается (лат.).

¹⁴ *Tertio modo* или *totidem literis* — третьим способом: найдем буквы (т. е. буквы, из которых можно составить слово «аксельбант») (лат.).

¹⁵ По-английски в слове аксельбант — *shoulder-knot* буква *k* пишется, но не произносится, т. е. она фактически в слове не нужна и сохраняется в нем лишь в силу консервативности английской орфографии. К этому-то обстоятельству и придрался крючкотвор Петр.

¹⁶ *Jure paterno* — по праву отца (лат.). Автор памфлета пародирует проповедников той эпохи, любивших злоупотреблять словами *jure divino* — по божественному праву (лат.).

¹⁷ *Altum silentium* — глубокое молчание (Вергилий, «Энеида», X, 63).

¹⁸ *Aliquo modo essentiae adhaerere* — некоторым образом причастны сущности (лат.).

¹⁹ Свифт ошибся: трактат Аристотеля «Об истолковании» отличается простотой и стройностью изложения.

Очевидно, Свифт перепутал его с одной из «Логик» Аристотеля.

²⁰ *Duo sunt genera* — есть два рода (лат.).

²¹ *Conceditur* — допустим (лат.).

²² *Si idem affirmetur de pincipiorio, negatur* — если кто-нибудь станет утверждать, что об этом ничего не сказано и в устном завещании, то будем отрицать... (лат.).

²³ Слова папы, сказанные *ex cathedra* (т. е. с церковной кафедры), приобретают силу закона (лат.).

²⁴ *Multa absurdā seque* — последует множество нелепостей (лат.).

²⁵ Так называемая «церковная, или папская, область» (провинции, прилегающие к Риму) находилась под административной властью пап вплоть до 1870 г.

В VIII в. папское правительство сфабриковало официальный документ — дарственную запись, якобы принадлежащую императору Константину, в которой он отказывал город Рим и все прилегающие провинции папе Сильвестру. В XV в. ученые итальянские гуманисты разоблачили факт подделки этого документа.

²⁶ *Terra australis incognita* — неизвестная южная земля (лат.).

²⁷ «Дружескими обществами» называли три первых страховых компаний, только что созданных в начале XVIII в. в Лондоне. Свифт проводит ироническую параллель: папы, навязав верующему дорогостоящую индульгенцию, как бы страхуют его душу от адского пламени. Однако, в отличие от страховых компаний, они никогда не выполняют своего обещания.

²⁸ *Ньюгейт* — лондонская уголовная тюрьма. Просуществовала вплоть до 1903 г.

²⁹ *Servus servorum* — раб рабов божьих. Этой фразой (ставшей стандартной в течение веков) и своей подписью папы скрепляют все официальные документы, выходящие из их канцелярии.

³⁰ *In articulo mortis* — предсмертное отпущение грехов (лат.).

³¹ *Camerae apostolicae* — цена, называемая за отпущение грехов папским казначейством (лат.).

³² Автор намекает на то, что папы в старину лишали непокорных им государей короны.

³³ Католическое духовенство не имеет

права вступать в брак. Это способствует процветанию разврата среди духовного сословия.

³⁴ Папская курия сочинила легенду о том, будто бы часовня лоретского собора служила некогда домом для девы Марии (матери Христа). По словам католических попов, часовня была перевезена ангелами по морю из Палестины в Италию.

³⁵ Свифт имеет в виду ордонансы Людовика XIV, по которым католические власти имели право направить на длительное время драгун на постой в дома непокорных протестантов (после отмены так называемого «Нантского эдикта» о веротерпимости, опубликованного в 1598 г. Генрихом IV).

³⁶ Здесь Свифт намекает на половинчатый и ограниченный характер учения Лютера. Английская реформация XVI в. позаимствовала многие догматы лютеранства.

³⁷ Джек поступает как истый кальвинист-пуританин: в Англии и Шотландии эти фанатики нередко устраивали кровавые побоища с инакомыслящими, уничтожали театры, концертные залы, произведения искусства. Даже иконы и уличные вывески они стремились уничтожить.

³⁸ См. примечание 28.

³⁹ Лисьи доводы — лиса из басни Эзопа, потеряв в капкане хвост, принялась хитроумно доказывать другим лисам, что и им следует последовать ее примеру.

⁴⁰ Джек (Иоанн) Лейденский — Ян Бокелзон, прозванный Лейденским. Фанатик, старейшина секты анабаптистов; во время великой крестьянской войны в Мюнстере был коронован королем «Нового Иерусалима». Казнен после взятия Мюнстера войсками Союза князей.

⁴¹ Гёзы — букв. нищие (голландск.). Революционная партия голландской буржуазии, поднявшая восстание в Ни-

дерландах против испанского владычества под знаменем протестантизма.

⁴² Джон Нокс — один из самых жестоких и фанатичных последователей Кальвина: глава шотландских пуритан. Свифт любуется здесь игрой слов: по-английски Нокс (*knock*) означает «удар».

⁴³ Свифт высмеивает слепую веру кальвинистов Англии и Шотландии в предопределении, согласно которому бог еще до рождения приговорил к геенне огненной большинство верующих т. е. к горению в адском пламени во веки веков, а других людей, на которых «почила благодать», после смерти ангелы вознесут в рай, где им суждено вечное блаженство. Согласно учению пуританской церкви, те, на ком не почила «благодать божья», не в силах смягчить гнев Иеговы никакими покаяниями и праведной жизнью.

⁴⁴ Непереводимая игра слов: по-английски «серебряный мост» означает также и «серебряная переносица» — *silver bridge*.

⁴⁵ См. Сервантеς «Дон Кихот», т. II, гл. 25 и 27. Имеется в виду эпизод, где два алькальда (два судьи — исп.) разыскивают пропавшего осла и время от времени сами издают ослиный рев.

⁴⁶ Свифт разделял заблуждение некоторых в том, что укушенный тарантулом пускается в бешеную пляску, остановить которую может лишь исполнение тарантеллы.

⁴⁷ Беллингхейт — рыбный базар в Лондоне, где, как на бирже и в интернате всегда было очень людно и стоял невообразимый шум и гам.

⁴⁸ Журнал Стиля и Аддисона «Болтун» (*Talker*) утверждал, что любимым развлечением английского простонародья является зрелище пальмовой доски, которая стонет от прикосновения к ней раскаленного железа.

⁴⁹ Район Лондона.